

Реймон Блок

Этруски. Предсказатели будущего

«Центрполиграф»

Блок Р.

Этруски. Предсказатели будущего / Р. Блок —
«Центрполиграф»,

В этой книге рассказывается о таинственной цивилизации этрусков, исчезнувшей еще до нашей эры. Благодаря обширным материалам и захватывающему стилю повествования возникает отчетливое и яркое представление о зарождении и культурном развитии этрусского народа. Фотографии прилагаются только к бумажной книге.

Содержание

Введение	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Реймон Блок

Этруски. Предсказатели будущего

Введение

Из всех народов античного мира этруски сегодня занимают особое место в наших представлениях. Их долгая история на земле Апеннинского полуострова началась в первые годы VII в. до н. э. и подошла к концу незадолго до наступления новой эры. Благодаря войнам – против греков, у которых этруски оспаривали гегемонию над Средиземным морем, а затем против римлян, покоривших их лишь после тяжелой борьбы, – этот народ занимает важное место в сочинениях как греческих, так и латинских авторов. Их имя, когда-то внушавшее великий страх, постоянно появляется в «Анналах» Ливия; а Вергилий в своем эпосе о возникновении Рима подробно рассказывает о подвигах лихих всадников древней Тускии. До наших дней в Умбрии, Тоскане и Лации сохранились многочисленные следы этрусских городов и погребений. Случайные открытия и организованные раскопки в течение многих веков привели к появлению на свет бесчисленных предметов всевозможных видов – образцов скульптуры, живописи и прикладного искусства, – созданных в студиях и мастерских Этрурии. Сейчас они хранятся в частных собраниях и музеях Европы и Америки.

Однако, несмотря на уцелевшие свидетельства высокоразвитой, но исчезнувшей цивилизации, образцы искусства, представляющие собой большую историческую и художественную ценность, Этрурия все равно остается для специалистов и непосвященных таинственным и непонятным феноменом. Столетия терпеливых попыток и настойчивых усилий ни к чему не привели: покров тайны, за которым скрывается эта культура, до сих пор непроницаем.

Например, неизвестно, откуда пришли первые обитатели Тосканы; на каком языке говорили? Проблема происхождения этрусков обсуждается в течение уже долгого времени. Даже в древности на этот счет имелись самые разные мнения. Всеобщую поддержку, впрочем, получило традиционное объяснение, изложенное Геродотом. По его словам, этруски приплыли к солнечным берегам Тирренского моря из анатолийской Лидии или каких-то других областей Малой Азии. Азиатское происхождение этрусков без колебаний принимали подавляющее большинство древних авторов. Однако Дионисий Галикарнасский, греческий ритор, который жил в Риме в эпоху Августа, не разделял этого мнения и настаивал на автохтонности этрусского народа. Эта дискуссия продолжается до настоящего времени, и ниже мы проанализируем, как рассматривают данную проблему сегодня.

Столь же трудным и спорным вопросом остается расшифровка этрусского языка. Несмотря на столетия настойчивых попыток – разумеется, порой несистематических и чрезмерно смелых, но также проводившихся людьми многоопытными и рассудительными, – этот странный язык, стоящий особняком среди древних наречий, так и не разгадан. В должное время мы попытались разобраться в причинах, приведших к одному из самых поразительных провалов современных лингвистических исследований.

Именно эти затруднения обычно поражают воображение широкой публики, удивленной, что наука, несмотря на ее прогресс, в данном случае так долго топчется на месте. Но они не должны отвлекать наше внимание от основ этрускологии. Этруская история и цивилизация, сыгравшие такую важную роль в судьбе западной цивилизации в древности, в целом не представляют собой ни тайны, ни загадки. Греческие и римские тексты по поводу древних тусков, и прежде всего превосходная документация, появившаяся благодаря предметам, обнаруженным либо по прихоти случая, либо археологами, дают нам возможность получить вполне четкое представление об этой цивилизации; и хотя о некоторых ее сторонах у нас меньше сведений,

чем о других, мы можем себе представить, каким был этот народ с его политической и социальной организацией, экономикой, религиозными традициями и произведениями искусства. Цель данной книги – сперва откровенно проанализировать нерешенные проблемы, а затем описать поразительную историю древней Этрурии и последовательно рассмотреть различные аспекты цивилизации этрусского народа, его общественной и частной жизни, религии и искусства. Таким образом мы узнаем ближе страну и народ, сыгравший столь важную роль в истории Запада в начале VII в. до н. э. и покоренный Римом лишь после длительных и ожесточенных войн. И даже после того, как Этрурия пала под натиском римских легионов к середине III в. до н. э., она не утратила своей культурной роли. Этрусские мастерские продолжали работать в Тоскане до середины I в. до н. э.; а этрусских религиозных обрядов, практиковавшихся гаруспиками (жрецами), римляне придерживались вплоть до падения империи, когда греко-римское язычество окончательно отступило перед торжествующим христианством. Что касается множества проблем, связанных с этрусской цивилизацией – первоначально независимой, а позже покоренной римлянами, – или с ее наследием, наложившим отпечаток на жизнь Рима, то благодаря непрерывной работе археологов и историков мы постоянно восполняем пробелы в наших знаниях. Я уверен, что для оценки нынешней степени наших знаний мы должны описать весь ход развития этрускологии от ее первых неуверенных шагов в начале нового времени до полного расцвета. Имея дело с такой сложной и трудной темой, как древняя Этрурия, будет чрезвычайно полезно изучить исследования и мнения древних ученых, связанные с ней. В результате мы получим более ясное представление о методах изысканий, неизменно совершенствовавшихся с течением времени, а прошлые неудачи помогут нам избежать ошибок в суждениях, которых мы и сегодня должны остерегаться. Более того, изучать представления наших далеких предшественников, часто весьма наивные, чрезвычайно интересно, а писать историю людей, которые сами создавали историческую науку, – возможно, одно из самых захватывающих занятий для историка.

Поэтому наша книга начнется с общего исторического обзора этрускологии. Затем мы рассмотрим ключевые вопросы, на которые современные исследования по-прежнему не могут дать окончательного ответа, – происхождение этрусского народа и его языка. Основная часть книги будет посвящена различным сторонам этрусской цивилизации; мы попытаемся воссоздать, насколько это возможно, историю любознательного народа, влюбленного в жизнь, однако уделяющего внимание и жизни после смерти, – народа, повседневная деятельность которого запечатлена на замечательных фресках, покрывающих сырые стены его мрачных гробниц.

Часть первая Современность и Этрурия

Глава 1 История этрускологии

Уже во времена Римской империи внимание исследователей привлекала нация, которой еще раньше Рима чуть было не удалось объединить Апеннинский полуостров в интересах своего процветания. Тусские священные книги были переведены на латынь и собраны Тарквинием Приском – этрусском по происхождению – в I в. до н. э. От этого перевода сохранилось лишь несколько небольших отрывков, которые цитируют Сенека, Плиний Старший и несколько других авторов. Весьма интересовался этрусским прошлым Италии и император Клавдий. Он располагал архивами знаменитых тосканских семей, попавшими к императору, вероятно, благодаря его первой жене Ургуланилле, уроженке знатного этрусского рода; но, к сожалению, до наших дней не сохранился ни один из трудов Клавдия. В частности, ничего не осталось от его этрусской грамматики, и это действительно невосполнимая потеря. Однако интерес римских исследователей к этрусскому народу свидетельствует, что даже в древности он был окружен аурой тайны, до сих пор не разгаданной. Сегодня можно сказать, что Этрурия была заново открыта в XVIII в., но это вовсе не означает, что до того момента исследователи начисто позабыли о ней, ведь в Тоскане археологи обнаружили множество разнообразных предметов.

Однако изначально объектом изучения был Рим, особенно в эпоху Ренессанса; живописные районы Тосканы оставались лишь фоном для предполагаемых событий. Но этрусские гробницы, случайно найденные во время полевых работ, все же привлекали внимание художников, они порой посещали их в поисках источников вдохновения. Этруские фрески, не дошедшие до нас, наверняка послужили образцом для Микеланджело, когда тот ваял голову Аиты, покрытую волчьей шкурой. Аита – не кто иной, как Аид, царь этрусского мира мертвых. Превосходные образцы этрусского искусства появлялись на свет случайно. Знаменитая Капитолийская волчица была известна уже в Средние века; в XVI столетии в 1553 г. была обнаружена Химера из Ареццо (фото 51), в 1554 г. – Минерва из Ареццо, а в 1556 г. – статуя, которую принято называть «Artingatore» – «Оратор». Эти три бронзовые скульптуры и по сей день являются предметом гордости Археологического музея во Флоренции. В XVII в. были найдены тарквинийские гробницы с фресками – в 1699 г. гробница Тартальи и гробница Кардинала, названные соответственно в честь адвоката Тартальи и кардинала Гарампи, епископа Тарквинии, первыми проникших в эти подземные жилища мертвых. Фактически многие заинтересовались Тосканой после книги, написанной еще в 1616—1619 гг. шотландским ученым сэром Томасом Демпстером. Этот объемистый труд из семи томов, озаглавленный «De Etruria regali libri septem»¹, оставался в виде рукописи более ста лет. Во Флоренции его издали лишь в 1723—1724 гг.

Демпстер, великолепно знавший древнюю литературу, попытался изложить историю древних тосканцев, исходя в первую очередь из письменных источников. Его работа была проиллюстрирована 93 превосходными гравюрами, воспроизводящими различные этрусские документы. Флорентийский сенатор Буонаротти снабдил их объяснениями и гипотезами в качестве комментария к этому первому скромному своду памятников Этрурии. Так было положено начало археологическим и историческим исследованиям в Тоскане.

¹ «Семь книг о царской Этрурии» (лат.).

Рис. 1. Фриз из Гроттадель-Кардинале. Крылатые гении везут умершую женщину к Аиду. С гравюры Байреса в «Гипогеях Тарквинии», часть II, илл. 8.

Эти исследования в скором времени разделились на три тесно взаимосвязанных направления: полевые раскопки, коллекционирование этруских предметов и теоретические труды, касающиеся этих коллекций или общих исторических вопросов.

Первые раскопки были начаты в 1728 г. в местечке Вольтерра на крайнем севере Тосканы. В 1739 г. была обнаружена гробница прославленного семейства Чечина, в ней нашли около сорока урн, ставших первой коллекцией археологического музея в Вольтерре. Этот музей по сей день носит имя аббата Марио Гварначчи, основавшего его около 1750 г. Так было положено начало тщательному исследованию этого места, одного из самых живописных во всей Тоскане. Вольтерра, по-этруски – *Велатри*, расположена вдоль крутого холма в долине Чечины. Судя по остаткам этруских стен, современный город куда менее значителен, чем этруский *Лукумний*. До наших дней наряду с существенными фрагментами внешней стены сохранились этруские ворота, известные как *Порта-дель-Арко*, украшенные скульптурами – головами божеств. Этот великолепный архитектурный памятник запечатлен на многочисленных гравюрах XVIII в.

Как и повсюду в Этрурии, гробницы располагались за пределами стен в соответствии с неизменно соблюдавшимся в античности правилом: поселения мертвых должны быть отделены от поселений живых. К сожалению, одна из сторон плато, на склоне которого обнаружили гробницы, за несколько столетий осела в результате колоссальных оползней. Из-за этого древнее кладбище Вольтерры почти полностью исчезло. А в музей Гварначчи попали преимущественно предметы эллинистической эпохи.

Самую примечательную часть коллекции музея Тосканы составляют терракотовые или алебастровые погребальные урны. Алебастр применялся тосканскими ремесленниками только в этом регионе. На крышках урн обычно изображена склоненная фигура усопшего. Сами урны покрыты рельефными сценами из повседневной жизни или этруско-греческой мифологии; как правило, они использовались как погребальные символы, чем объясняется постоянное повторение на этих барельефах темы ухода и путешествия. Путник, готовый отправиться пешком или на экипаже к неведомой цели, – не кто иной, как умерший, собирающийся войти в мрачное царство Аида. К этой обширной серии погребальных урн вполне применимы прекрасные комментарии Франца Кумонта, выдающегося историка религии, о погребальном символизме римлян. Археологи XVIII в., находя подобные памятники, обнаруживали предметы, которые по своему стилю и религиозному смыслу были типично этрускими.

Рис. 2. Барельеф, украшающий фронт саркофага в Вольтерре, II в. до н. э. Улисс слушает пение сирен.

В то же время в Палестрине (древняя *Пренеста*) примерно в 25 милях к востоку от Рима был случайно найден древний шедевр бронзового рельефа – сундук Фикорони, теперь выставленный в Этрусском музее на вилле Джулии в Риме. Антиквар Франческо Фикорони в 1738 г. обнаружил в земле этого древнего римско-этрусского города огромный цилиндрический сундук из бронзы с рельефными изображениями на крышке и боках, иллюстрирующими, к великой радости Фикорони, различные эпизоды мифа об аргонавтах. Корабль «Арго» («Стремительный»), управляемый отважными моряками, бросил якорь в Вифинии, в земле бебриков. Корабль вытасен на берег, и с него сходит юноша с бадьями и амфорами, чтобы наполнить их из ближайшего источника. Амик, царь этой страны, вызывал на кулачный бой всех, кто осмеливался ступить на его землю. Обладая колоссальной силой, он забивал пришельцев до смерти. Его вызов принял Поллукс; одолев царя, он привязывает его к дереву. В руках Поллукс по-прежнему держит цест, ремень кулачного бойца, которым пользовался в бою. Трудно вообразить себе более благородную композицию и более изящное исполнение. Этот шедевр этрусского искусства, который посчастливилось найти Фикорони, сохранил в себе дух эллинского классицизма, очевидно в его поздних проявлениях, так как сундук датируется приблизительно 330 г. до н. э.

Короче говоря, в земле Тарквинии продолжали находить – и случайно, и в результате нескольких организованных раскопок – погребальные камеры с росписями. В середине XVIII в. священник Джанникола Форливези, уроженец Тарквинии, исследовал несколько гробниц с фресками в окрестностях Корнето и написал труд о своих изысканиях, к сожалению утраченный. Однако мы находим ссылки на его рукопись в сочинениях этого периода. Тем не менее, здесь, как и повсюду, приходится ждать начала XIX в., когда в результате более масштабных исследований были найдены выдающиеся произведения тосканского искусства.

Открытия следовали одно за другим через разные промежутки времени, будучи результатом скорее случая, чем методичных исследований. Для будущего этрускологии гораздо большее значение имело изучение новых документов. Их использовали двумя способами: был основан ряд крупных музеев, и поныне являющихся важнейшими собраниями этрусского

искусства, увеличивалось количество книг, посвященных произведениям этого искусства. Мы уже видели, что в это время был создан музей Чивико в Вольтерре. Но описание вольтерранских собраний вскоре издал не основатель музея Гварначчи, а флорентиец Антон Франческо Гори. Это исследование входило в выдающийся по тем временам труд, который Гори издавал в 1737—1740 гг. под названием «*Museum Etruscum exhibens insignia veterum Etruscorum Monumenta*»². Этот «Этрусский музей» состоит из трех больших томов. Текст очень неровный по качеству, но его сопровождают триста иллюстраций, воспроизводящих не только значительное на тот момент количество этруских произведений искусства, но и – следует признать – греческих и римских работ, ошибочно приписывавшихся этрускам. Три этих прекрасных тома делают честь одному из пионеров этрускологии. Более того, из-за ошибочности некоторых суждений Гори мы не должны недооценивать значение его исследования, а также тщательность исполнения и красоту гравюр. В частности, Гори приводит рассказ Форливези об открытии тарквинийских фресок. В настоящий момент у нас нет других свидетельств о некоторых из них. Тарквиния также привлекала внимание художников и гравюров, порой весьма знаменитых. Сохранились рисунки, показывающие, как выглядели гробницы в момент их открытия, Джеймса Байреса, английского художника, дружившего с Пиранези (рис. 1, 3, 6, 19). Их издали в Лондоне в 1842 г. под названием «Гипогейи, или Погребальные пещеры Тарквинии». Пиранези тоже, как мы увидим, интересовался погребениями в Кортоне.

Рис. 3. Открытие гробницы Тифона. С гравюры Байреса в «Гипогеях Тарквинии», часть I, илл. 4.

Тем временем создавались новые коллекции и открывались новые музеи. Центром так называемой «этрускерии» – этрускомании XVIII в., проявившейся в повышенном интересе к этрускому искусству и цивилизации, о котором стоит поговорить подробно, – являлась Кор-

² «Этрусский музей, включающий памятники древних этрусков» (лат.).

тона, живописный городок в самом сердце Тосканы на вершине холма, окаймленного густыми оливковыми рощами и виноградниками. Именно здесь 29 декабря 1726 г. была основана Кортонская этруская академия – организация, чья зачастую бессистемная деятельность все же своим наивным рвением производит приятное впечатление. Это общество продолжало исследования в течение всего XVIII в. Осязаемыми результатами его усилий стали музей и библиотека. Благодаря тому же Антону Франческо Гори было незамедлительно издано описание коллекций этого маленького итальянского провинциального музея. «*Museum Cortonense*» Гори служит дополнением к его книге о музее в Вольтерре. Здесь, как и в Вольтерре, а позже во Флоренции, исследования научных обществ XVIII в. велись параллельно со сбором коллекций древностей. Мы видим тесную взаимосвязь между археологией и зарождением исследований в области древней истории, и эта связь остается одним из важнейших законов, управляющих трудами в этой сфере.

Чрезвычайно любопытной оказалась судьба этого местного научного общества, память о нем и поныне жива в Тоскане. Кортонна, знаменитая столица древней Тускии, город, где после бурных Средних веков родился самый прославленный из его сынов – Лука Синьорелли, создатель замечательных фресок в соборе Орвието, – безусловно заслуживал чести стать колыбелью этрусского ренессанса. 26 августа 1726 г. аббат Онофрио Бальделли при содействии трех своих родственников основал Этрусскую академию, которой суждено было добиться больших успехов в изучении античной истории. Одним из важных аспектов ее деятельности было возрождение этрусских имен и древних этрусских обычаев. Ежегодно академия выбирала президента, его называли «лукумон», то есть царь. В академии было 140 членов, из которых 40 – жители Кортонны, а остальные – уроженцы других мест. Их собрания назывались *Le Notti Coritane* – «Кортонские ночи», ночи, однако, были всецело посвящены исследованиям. Колокола городской ратуши созывали академиков дважды в месяц, на их заседания приглашали благородных дам. На этих заседаниях зачитывали письма и сообщения, демонстрировали новонайденные античные предметы, а члены академии участвовали в куртуазных дискуссиях о наиболее животрепещущих проблемах.

Эта деятельность продолжалась в течение столетия; ее итогом стали девять превосходных томов, изданных в 1738—1795 гг. Огромное удовольствие доставляет листать страницы этих изящных томов ин-кварто, под благородным названием «*Saggi di Dissertazioni accademiche pubblicamente lette nella nobile accademia etrusca deH'antichissima citta di Cortona*». Тексты этих сообщений проиллюстрированы превосходными гравюрами, а рассматриваемые темы отличаются большим разнообразием (фото 68). Не все они касаются Этрурии; путешественники и исследователи описывают также памятники Рима и Малой Азии, а некоторые статьи посвящены таким широким вопросам истории религии, как поклонение в древности священным рощам, известным как *nemora*.

Истории и искусству этрусков уделяли внимание два величайших ученых столетия – граф де Кайлюс и Винкельман. «История искусств» Винкельмана, как и «*Recueil des Antiquites*»³ графа де Кайлюса, содержат главы, посвященные древней Тускии. Первый, естественно, старается представить искусство этрусков как составную часть обширной системы, которую он усматривал в эволюции древнего искусства; граф де Кайлюс, напротив, ограничивается описанием и анализом различных памятников, которые он видел или которыми владел. Заслуживает внимания, что эти два выдающихся мыслителя не пугались серьезных проблем, связанных с древней Этрурией, и мы вскоре увидим, в какой степени их методы были уместны, и ознакомимся с сутью их умозаключений. Что касается Пиранези, то, хотя его сердцем владел Рим со своими бесчисленными чудесными древностями, он знал и исследовал Тоскану; заслуживает

³ «Собрание древностей» (фр.).

интереса относительно малоизвестная дискуссия об Этрурии, которую он вел с французским исследователем Мариэттом.

Этот героический период этрускологии завершается работами аббата Луиджи Ланци. Аббат Ланци, родившийся в 1732 г. и умерший в 1812 г., посвятил свою жизнь ревностному изучению и разработке различных вопросов, которые ставит этрусская история. Он разделял заблуждения своего времени, но в своем анализе различных образцов и в выводах Ланци показал, что был менее подвержен полетам фантазии, чем большинство его предшественников. Будучи археологом и лингвистом, аббат Ланци воплощает в себе знания своего столетия, но он внес и новый вклад в давно дискутировавшиеся проблемы. Ланци был по рождению флорентийцем и большую часть времени провел в родном городе. Умберто Сегре отдал должное его отважной жизни в книге «Luigi Lanzi e le sue opere». Весьма справедливо, когда современные ученые отводят своим дальним предшественникам заслуженное ими место в истории первых нерешительных шагов и ранних успехов своей науки.

В 1789 г. аббат Ланци издал трехтомный труд, в котором наконец-то определил место этрусского языка среди древних итальянских наречий. Его «Saggio di lingua etrusca e di altre lingue antiche d'Italia», в сущности, представляет собой сумму знаний того периода не только в сфере языка, но и в отношении обычаев, истории и искусства этрусков. При содействии своего ученика Дзаннони аббат Ланци постарался упорядочить этрусскую коллекцию в музее Уффици во Флоренции. Она положила начало Флорентийскому археологическому музею, основанному в 1870 г. В одной из своих книг Ланци впервые систематически доказывает греческое происхождение большинства расписных ваз, найденных в итальянской земле, которые, по традиции, приписывались этрусской цивилизации.

Но мы должны задаться фундаментальным вопросом о методе, использовавшемся в этих эпиграфических и археологических работах. Как в то время проводились исследования и какова была причина грубейших – с нашей точки зрения – ошибок стольких выдающихся людей? С другой стороны, в чем заслуги пионеров этрускологии и насколько далеко продвинулась наука благодаря их усилиям?

В попытках ответить на эти захватывающие вопросы мы должны ясно представлять себе состояние исторических и археологических знаний о древней Тусции в начале XVIII в. В принципе эти знания сводились к информации, почерпнутой у античных авторов. Шотландец Демпстер собрал ее и попытался прокомментировать в своем «De Etruria regali». Однако эти интерпретации представляли собой плод чересчур смелого воображения, а обширная эрудиция их автора безнадежно перемешала точные факты, безосновательные мнения и самые дикие предположения. Такое состояние знаний о всех аспектах жизни этрусков было неизбежно, археология еще пребывала в младенчестве. Для нас сегодня ясно, что основу тех надежных знаний об этруском народе, которые мы можем получить, почти не понимая его языка, более того, не располагая никакими литературными текстами этрусков, должно составлять детальное исследование тех документов, которые представляют собой изображения, созданные этрускими художниками.

И по сей день археология этрусков, вероятно, в большей степени, чем археология любого другого народа, ставит перед нами крайне сложные проблемы. Этруски не являлись творческим народом, сопоставимым с древними греками; по крайней мере, для творчества им требовалось внешнее влияние. Вначале это был Ближний Восток, потом Эллада. Поэтому невозможно понять и выделить различные периоды этрусского искусства без постоянной ссылки на влияние эллинских образцов. Этруссские художники руководствовались этими образцами по-разному в зависимости от времени и места; тем не менее их мировоззрение носило личный характер, а порой было весьма странным. Но вопрос о влиянии и прототипах нельзя игнорировать при честном анализе их искусства.

Теперь рассмотрим плачевную ситуацию, в которой находился этрусколог XVIII в. Греческое искусство по-прежнему оставалось почти неизвестно. Да, путешественники бывали в Греции и на Ближнем Востоке, но информация, полученная благодаря греческой археологии, была ничтожной, расплывчатой. В таких условиях трудно сделать какие-либо серьезные выводы относительно предметов искусства, время от времени появлявшихся на свет в Тоскане сперва случайно, а позже благодаря раскопкам. Необходимые точки для сопоставления отсутствовали, и этот факт сильно тормозил прогресс этрускологических исследований. Это, в частности, объясняет и ошибки наивной «этрускерии». Более того, кое-какие задачи мы и по сей день не решили. Иные бронзовые изделия, найденные в Этрурии, не позволяют точно установить, являлись ли они этрускими или греческими; не закончились даже дискуссии по поводу некоторых из самых знаменитых бронзовых скульптур античного происхождения, таких, как Химера из Ареццо. В XVIII же веке слабое знание эллинского искусства и незнакомство с тосканской продукцией приводили к фундаментальным ошибкам. В этруских гробницах часто содержится множество импортных греческих ваз, а в Вульчи, где систематические раскопки ведутся с начала XVIII в., найдено больше образцов аттической чернофигурной керамики, чем в почве самих Афин, и все благодаря защите, которую обеспечивали тосканские гробницы, вырытые в туфах Мареммы или в предгорьях Апеннин. Любители и исследователи XVIII в. долгое время верили, что эта огромная коллекция греческих ваз, найденных в земле Тосканы и Кампании, этруского происхождения. Чтобы опровергнуть это заблуждение, требовалась тщательная аналитическая работа.

Таким образом, невежество и сомнения обсуждаемого периода могут быть объяснены зачаточным состоянием археологии и науки; но к этим причинам мы, несомненно, обязаны прибавить еще одну, на этот раз коренящуюся в национальной психологии. Италия была расколота, и ее север находился под властью Австрии. Вполне естественно, итальянцы пытались найти в истории своей страны какую-либо компенсацию за унижение своего самолюбия. До объединения было еще далеко, но национальные чаяния уже пробуждались. Это и привело к тенденции переоценивать итальянское прошлое, и в первую очередь этрускую цивилизацию – самую раннюю из зародившихся на итальянской почве. Итальянцы любят возвеличивать свою былую славу. В этом заключалась одна из коренных причин этрускомании, которая продолжалась до того дня, когда наступавшие французские армии освободили Ломбардию и Милан.

Но следует более подробно рассмотреть настроения отдельных людей, поскольку они сильно различались. Хотя тон зачастую задавало воображение, уже был налицо и дух научных исследований. Понятно, что этот научный дух не проявлялся в полевых археологических изысканиях, они еще не вышли из младенческого возраста. Предметами, не имевшими художественной ценности, пренебрегали. Никто не вел учета открытий, что в наши дни сильно затрудняет исследование находок того времени. Мы вынуждены ждать до второй половины XIX в. или даже до начала XX столетия, когда постепенно были выработаны в значительной степени благодаря исследованиям доисторической эпохи фундаментальные принципы научной археологии, основанные на тщательном изучении местности и стратиграфическом исследовании почвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.